
Сона Скофилд
Мой муж меня еще не встретил

Сона Скофилд

Мой муж меня еще не встретил

«Автор»
2026

Скофилд С.

Мой муж меня еще не встретил / С. Скофилд — «Автор», 2026

Я прожила с Артемом шесть счастливых лет. А потом похоронила его.Когда после похорон я проснулась в своей старой квартире, на календаре стоял октябрь 2018 года. До нашего первого знакомства оставалось восемнадцать дней.Артем был жив. Мне хотелось обнять его, услышать привычное «люблю», рассказать, как страшно было возвращаться в опустевший дом. Но мужчина, с которым я когда-то делила постель и строила планы на старость, даже не знал моего имени.Я слишком рано появилась в его жизни и невольно изменила обстоятельства нашей встречи. Теперь у него были свои планы, мечты и будущее, в котором могло не оказаться меня.Мне подарили восемь лет, чтобы предотвратить трагедию. Только никто не обещал, что, спасая любимого мужа, я снова стану его женой.Ведь однажды он уже выбрал меня. А теперь имел право выбрать другую.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Часы на прикроватной тумбочке 5
Глава 2. Незнакомый мужчина 13
Глава 3. Десятое ноября 20
Глава 4. Привычка быть женой 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Сона Скофилд
Мой муж меня еще не встретил

Глава 1. Часы на прикроватной тумбочке

У подъезда Дарья попросила меня поискать ключи, а я полезла в наружный карман ее сумки. Мы обе заметили это не сразу. Она придерживала тяжелую дверь плечом, а я перебирала какие-то бумажки. Нащупав связку с брелоком в виде красного ботинка, я наконец сообразила, что держу чужую сумку.

— Нин, у тебя свои в руке.

Я посмотрела на ладонь. Ключи от нашей квартиры успели оставить на коже глубокие красные полосы.

— Извини. Задумалась.

Дарья ничего не ответила. Забрала сумку, пропустила меня вперед и вызвала лифт.

В подъезде пахло влажной штукатуркой: сосед с пятого этажа затеял ремонт. На нашей двери возле ручки остался белый мазок краски. Артем собирался на выходных сам все исправить. Я провела по пятну пальцем, прежде чем вставить ключ в замок.

— Ты раздевайся, — сказала Дарья, когда мы вошли. — Я поставлю чайник. Иру я отвезла бы сама, но она категорически отказалась. Максим с ней поехал. Позвоню чуть позже, узнаю, как добрались.

На похоронах свекровь держалась лучше меня. Она поправляла цветы, благодарила людей, которые подходили к ней, даже нашла силы спросить у Максима, успел ли он пообедать. Перед тем как сесть в машину, Ирина Павловна вдруг попросила меня не выбрасывать Артемову старую зимнюю куртку. Оказывается, она сама выбирала ее сыну лет десять назад.

Я пообещала сохранить куртку. Кажется, это было единственное обещание, которое я дала кому-либо за весь день и которое точно помнила.

В прихожей я сняла пальто и с некоторым усилием раздвинула плечики в шкафу. Артем терпеть не мог, когда я вешала верхнюю одежду поверх его вещей. На его темно-синем пальто обнаружился длинный светлый волос. Мой, конечно. Я сняла его и закрыла дверцу.

— У тебя тут суп есть, — сообщила Дарья из кухни. — Только вчерашний или еще старше?

— С прошлой субботы. Выброси, пожалуйста.

В прошлую субботу я сварила грибной суп. Артем должен был вернуться к семи, мы собирались поужинать и досмотреть довольно глупый сериал, который он сам же предложил. Вечером выяснилось, что он задерживается на фестивале. Я выключила плиту и оставила кастрюлю на ней остывать.

С тех пор прошло шесть дней.

— Тогда закажу что-нибудь, — решила Дарья. — Только, пожалуйста, не говори, что ничего не хочешь. Мне тоже есть надо.

Я переоделась в домашние брюки и футболку. На Артемовой половине кровати лежал свернутый зарядный кабель. Муж специально выбрал длинный, чтобы пользоваться телефоном, не вылезая из-под одеяла. В первую же ночь я запуталась в проводе ногой и устроила мужу выговор. На следующее утро он закрепил кабель держателем у тумбочки и с чрезвычайно серьезным видом доложил, что опасный объект теперь соответствует требованиям безопасности.

Я присела на край кровати, размотала провод и свернула его обратно. Получилось не так аккуратно, как было, но переделывать я не стала.

Когда я вышла, Дарья уже расчистила кухонный стол. В углу стояла кружка с отколотым краем, в которой Артем обычно заваривал себе чай. Подруга взяла две чашки из сушилки, а я машинально достала из шкафа третью.

Дарья посмотрела на нее, потом на меня.

— Кто-то еще придет?

— Нет. Привыкла.

Лишнюю чашку я убрала. Дарья принялась разыскивать сахар, и я была ей благодарна за то, что она не стала развивать тему.

Телефон завибрировал. В рабочем чате корректор спрашивала, успеем ли мы согласовать обложку переиздания к понедельнику. Через минуту она удалила сообщение и написала мне лично: «Ниночка, прости, это не тебе». Обложкой теперь занималась другая сотрудница.

Начальница сказала, что я могу не появляться в издательстве столько, сколько понадобится. Раньше мне казалось, что без моего участия на работе непременно что-нибудь пойдет наперекосяк. Теперь я обнаружила, что книги по-прежнему уходили в печать и авторы продолжали обижаться на редакторские правки. Я просто не могла придумать, зачем туда возвращаться.

— Так, — сказала Дарья, усевшись напротив. — Давай кое-что обсудим, пока ты не легла. Чисто практическое. У тебя документы здесь или часть у Иры?

Она достала из сумки прозрачную папку. В ней лежали свидетельство о смерти, договор с ритуальной службой и несколько листов, на которых я собственноручно поставила подпись. Сквозь прозрачный пластик папки я видела дату смерти: 17 октября 2026 года. Последние дни мне постоянно предлагали где-нибудь расписаться. Люди объясняли, что именно подписываю, а я с облегчением передавала им право распоряжаться ближайшими десятью минутами моей жизни.

— Все здесь, наверное.

— Хорошо. Я потом составлю список, что и когда надо сделать. Сегодня ничего из этого делать не будем, договорились? И еще надо Максиму вернуть деньги, он оплатил часть расходов. Я у него уточню сумму.

— У Артема на счете деньги были. Он в начале месяца получил премию.

— С этим не торопись. Разберемся, как правильно оформить. На текущие расходы у тебя хватит?

Я кивнула. У меня была зарплатная карта, личные накопления и конверт в ящике письменного стола. Мы с Артемом складывали туда деньги на путешествие. Последние полгода спорили, куда поедем следующей весной. Я хотела в Калининград, он предлагал проехаться по северу страны на машине.

— Даш, а где мы были в двадцать втором году? В сентябре. Ты не помнишь?

Подруга отложила ручку.

— Вы с Темой? В Казани, по-моему.

— Точно. В Казани.

Я вдруг испугалась, что забуду эту поездку. Помнила ливень, который застал нас на прогулке, и то, как Артем натянул мне на голову капюшон своей куртки, а сам промок до нитки. А название города вылетело из головы. Всего на несколько секунд, но мне хватило и этого.

— Надо фотографии разобрать, — сказала я. — У него на компьютере много. Если что-нибудь с диском случится, их уже не восстановишь.

— Разберем. Сделаем копии.

Дарья передвинула папку к себе и стиснула мою руку. Я наклонила голову, закрыла лицо ладонью и расплакалась.

Подруга сидела рядом, пока я не успокоилась, потом принялась рассказывать, как ее отец однажды потерял семейные фотографии, а спустя много лет обнаружил негативы в коробке из-под обуви. Мне было легче слушать чужую историю, не отвечая на вопросы о собственной.

Курьер принес еду около четырех часов. Я съела половину порции. Дарья собрала контейнеры и, заметив, что кончилось молоко, занесла его в список покупок.

— Я останусь сегодня, — сказала она. — На диване вполне нормально спать.

— Поезжай домой, Даш. Правда. Мне надо побыть одной.

— Ты уверена?

— Да. Я позвоню, если что-нибудь понадобится. Обещаю.

Мы договорились, что утром она зайдет с продуктами. Дарья велела не отключать звук на телефоне и оставила папку на комоде. У порога обняла меня так крепко, что я почувствовала у виска ее прохладную серьгу.

До этого дня в квартире почти постоянно кто-то находился. Родственники, подруги, коллеги Артема. Мне приносили еду, забирали мусор, отвечали на звонки. Теперь за дверью стихли шаги, лифт уехал вниз, и я осталась одна в квартире, которую мы с мужем выбирали несколько месяцев, объездив чуть ли не половину Нижнего Новгорода.

Из всех вариантов Артему понравилась именно эта квартира, а я в первый раз даже не захотела ее толком смотреть. Здесь был ужасный линолеум, ободранные обои и крошечная кладовка. Зато окна выходили на разные стороны, а на кухне помещался большой стол. Уже внизу, на улице, я спросила, понравилось ли ему хоть что-нибудь из увиденного.

«Там свет хороший, Нин. Остальное мы сделаем».

С ремонтом мы возились почти год. Артем не понимал, почему нужно три недели выбирать цвет кухонных фасадов. Однажды мы так поругались из-за расположения шкафа, что я демонстративно легла спать в гостиной. Через полчаса он принес мне подушку и спросил, не знаю ли я случайно, где его жена держит запасные наволочки. Я еще минут пять старалась сохранять серьезное лицо. Потом рассмеялась, и мы до двух ночи переставляли на плане злополучный шкаф.

Убирать одежду мужа я пока не собиралась. Мне даже представить было трудно, как можно открыть дверцу и увидеть там только свои вещи. С подобными решениями я решила подождать.

В половине шестого позвонила Ирина Павловна.

— Ты дома, Ниночка?

— Да. Даша только уехала. Как вы?

— Нормально. Максим привез, печку растопил. Дрова принес, хотя я сказала, что отопление справляется. Ты ведь знаешь этих мужчин, если уж за что-то взялись...

Она замолчала. Артем приезжал к матери почти каждое воскресенье и обязательно находил в доме что-нибудь, требующее ремонта. Ирина Павловна жаловалась, что сын относится к ней как к заведующей аварийным хозяйством.

— Я приеду завтра, — предложила я.

— Не надо, родная. Завтра моя сестра будет. Ты отдыхай. Я вот что хотела узнать: у тебя есть фотография, где он у нас в саду яблоки собирает? В зеленой рубашке. В прошлом году снимала.

— Есть. Сейчас найду.

— Пришли мне, пожалуйста. У меня другая есть, неудачная, он там отвернулся.

Я открыла галерею. На одной фотографии Артем стоял возле яблони, держа в каждой руке по яблоку. Рукава зеленой рубашки были закатаны до локтей. В тот день он порезал палец веткой, а потом сидел на крыльце и выслушивал мамины причитания по поводу занозы.

— Нашла, — сказала я.

— Спасибо. Как хорошо там получилось. Я поставлю вместо той, где он совсем серьезный.

Мы попрощались, а через несколько минут Ирина Павловна прислала мне сердечко в ответ на фотографию. Артем однажды целый вечер учил ее пользоваться такими значками в мессенджере.

Я открыла нашу с ним переписку.

Последнее сообщение пришло в субботу днем: «Тут задержусь. Суп без меня ешь, не жди».

Я ответила: «Ладно. Только хлеб купи на обратном пути».

Он прислал смешной рисунок с человеком, отдающим честь. После этого мы созвонились. Артем объяснил, что на фестивале к нему подошли бывшие коллеги и попросили остаться на встречу по поводу реконструкции старых промышленных зданий. Я рассчитывала, что хотя бы в выходной мы проведем вечер вместе, и сказала, что он мог предупредить пораньше. Он согласился, извинился, пообещал завтра ничего не планировать. Я спросила, насколько поздно он вернется. Услышала, что часа через два, и ответила: «Хорошо, давай».

Обычный разговор супругов, которые давно вместе. Я даже не сказала, что люблю его. Утром говорила, вчера говорила, позавчера тоже. Мне никогда не приходило в голову, что можно исчерпать запас таких разговоров.

Когда вечером стали появляться новости о пожаре в культурном центре, устроенном в здании бывшей типографии, я сперва позвонила ему. Потом еще раз. Написала Максиму, но тот был за городом и ничего не знал. В какой-то момент мне ответил один из знакомых Артема, который сам покинул здание и пытался выяснить, где остальные. Именно тогда я по-настоящему испугалась.

Дальше я помнила отдельные фрагменты: поездку в такси, чужую руку, придерживающую меня за локоть, длинное ожидание, разговор с человеком, который попросил назвать полное имя мужа. Я еще несколько часов не соглашалась верить тому, что мне сообщили. Даже когда уже не оставалось никаких оснований надеяться, я смотрела на телефон и ждала звонка.

Позднее нам рассказали, что Артем погиб от отравления продуктами горения. Обстоятельства пожара продолжали выяснять. В новостях упоминали изменения в здании и проблемы с безопасностью, публиковали предварительные сведения, порой противоречащие друг другу. Максим попросил меня не доверять каждому сообщению, пообещал помочь, когда появится достоверная информация. Я знала, что он прав, и все равно обновляла страницы.

Теперь, перечитывая переписку, я подумала, что можно было уговорить Артема приехать домой раньше. Стоило сказать, что плохо себя чувствую. Или попросить привезти лекарство. Он бы приехал, я прекрасно его знала. Я перебрала десятки подобных вариантов еще в первую ночь после его гибели. Потом появились другие: если бы мы уехали за город, если бы встреча не состоялась, если бы я договорилась с друзьями о совместном ужине. Любая мелочь, любое изменение в наших планах могло оказаться достаточным.

От этой мысли я уставала больше, чем от плача. Каждый раз мысленно подходила к той субботе с какой-нибудь новой стороны и неизменно обнаруживала очередную возможность, которой уже нельзя было воспользоваться.

На комоде лежал пакет с вещами, которые нам вернули. До сих пор я не заглядывала внутрь. Я села на диван, развязала ручки и достала наручные часы Артема. На металлическом браслете остались мелкие царапины, стекло было целым.

Эти часы он купил себе в год нашей свадьбы. Собирался потратить премию на ноутбук, а потом мы случайно зашли в часовой магазин. Артем долго примерял разные модели, советовался со мной, в конце концов выбрал простые часы с темным циферблатом. Дома признался, что в детстве любил смотреть, как отец заводит свои старые механические часы. Ему хотелось, чтобы и у него появилась вещь, которую приятно носить много лет.

Я провела большим пальцем по стеклу. Стрелки еще двигались. Секундная на мгновение задерживалась у каждой отметки, а затем перескакивала к следующей.

У этих часов можно было заменить батарейку, отполировать стекло. Они могли прослужить еще десять или двадцать лет. Я так и сидела на диване, слушая, как тикает вещь, которая пережила своего хозяина.

Я хотела поговорить с Артемом хотя бы пять минут. Узнать, думал ли он обо мне в тот вечер. Сказать, что перестала сердиться на него за субботнюю задержку еще до пожара. Услышать, как он ворчит, что я опять не могу найти очки, хотя сама положила их на видное место.

Если бы мне дали всего пять минут, я, наверное, потратила бы их на то, чтобы обнять его. Даже не стала бы ничего спрашивать.

Я унесла часы в спальню, положила на тумбочку и легла. Было девять вечера двадцать третьего октября. Я уже с трудом держала глаза открытыми. Несколько ночей подряд мне удавалось заснуть лишь под утро. Я отправила Дарье сообщение, что собираюсь спать, поставила телефон заряжаться и выключила лампу.

Минут через десять я снова потянулась к тумбочке. Взяла часы, оставила их в ладони, прижала руку к груди и повернулась на бок.

Я до последнего прислушивалась к звукам в квартире. Привычка ждать человека домой оказалась сильнее знания о его смерти.

* * *

Проснулась я от звука падающей воды. Капли с гулким, металлическим стуком ударялись о какую-то поверхность, и я никак не могла понять, откуда доносится этот звук. В ванной у нас был исправный смеситель. Артем менял его прошлой зимой.

Я протянула руку к тумбочке, поискала телефон и нащупала край деревянной полки. Телефона на ней не было. Тогда я открыла глаза.

Прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки, находилась стена, оклеенная бежевыми обоями с мелким растительным рисунком. В нашей спальне стены были светло-серые, однотонные. Я приподнялась на локте. Подо мной заскрипели пружины дивана.

На окне висела тонкая занавеска с желтыми цветами. Возле окна стоял узкий письменный стол, на нем — ноутбук, несколько книг и настольная лампа с погнутым абажуром.

Я знала эту комнату.

В этой квартире я прожила почти семь лет, сначала снимая ее у маминой знакомой, а потом выкупив с помощью ипотеки. Мы с Артемом продали квартиру, когда покупали наше первое совместное жилье. Перед продажей я переклеила обои, выбросила старый диван и отдала стол двоюродному брату.

Я встала. Под босыми ногами оказался знакомый холодный линолеум. В углу, возле батареи, стояла корзинка с незаконченным шарфом. Однажды я решила научиться вязать и за всю зиму справилась только с его половиной.

Я решила, что сплю. После всего, что произошло, такой подробный сон о прошлом казался вполне объяснимым. Я прошла в маленький коридор, распахнула дверь ванной и увидела старую эмалированную ванну, зеленую шторку и кран, который капал всю осень, пока я не уговорила знакомого мастера его заменить.

Я закрыла воду до упора. Капли перестали падать. Постояла, прислушиваясь к тишине, потом подняла голову и посмотрела на свое отражение.

Я давно не видела себя с такой длиной волос. Они доходили почти до середины спины; после свадьбы я стригла их чуть ниже плеч. На мне была растянутая голубая ночная рубашка, которую Артем когда-то предлагал использовать вместо тряпки для мытья окон. Исчез тонкий белый шрам возле брови. Я получила его, когда в двадцать третьем году упала с велосипеда.

Я поднесла пальцы к брови. Кожа была совершенно гладкой.

— Что за ерунда? — сказала я вслух.

Собственный голос прозвучал так отчетливо, что мне стало страшно. Я умылась холодной водой. Сон не закончился.

На безымянном пальце правой руки не было обручального кольца. Даже светлой полоски от него не осталось. Я принялась искать кольцо и часы в комнате, заглянула под подушку, раздвинула складки одеяла. Часов нигде не оказалось.

На письменном столе лежал телефон. Маленький, в потертом бордовом чехле, с трещиной в углу экрана. Я узнала его и вспомнила, как уронила на лестнице в издательстве. Кнопка под экраном работала с небольшим запозданием. Я нажала на нее.

Вторник, 23 октября. Семь сорок две утра.

Я разблокировала телефон отпечатком пальца, нашла настройки даты и времени. На экране стоял 2018 год.

Я села на диван. Возможно, после похорон я потеряла сознание, а родственники привезли меня куда-то, где все почему-то казалось знакомым. Но квартира давно продана, и чужие люди переделали ее по своему вкусу. Ни одно объяснение не выдерживало проверки.

Я открыла контакты, нашла Дарью Мельникову и позвонила.

— Нин, — донесся до меня ее сонный, сердитый голос. — Ты с ума сошла? Я сегодня к десяти.

Я чуть не расплакалась от облегчения.

— Даш, где ты?

— В кровати. Где мне еще быть в такую рань?

— У себя дома?

— Нет, в Париже. Конечно, у себя.

— А вчера где была?

— В смысле?

— Вчера. Вечером. Мы виделись?

Она помолчала, и я услышала, как зашуршало одеяло.

— Вчера понедельник был. Я до восьми на работе торчала. Мы переписывались.

— Какое сегодня число?

— Двадцать третье.

— А год?

— Нин, ты хорошо себя чувствуешь?

— Скажи, пожалуйста, какой год.

— Две тысячи восемнадцатый. Ты меня пугаешь. У тебя температура?

Я подошла к окну. Во дворе еще стояли старые металлические качели. Возле соседнего дома рос огромный тополь. Его спилили за год до нашего переезда. Я помнила возмущение жильцов и пень, который оставили после работ.

Вчера мы не ездили вместе на кладбище. Она не привозила меня домой после похорон.

— Мне сон плохой приснился, — наконец сказала я. — Очень странный. Извини, что разбудила.

— Какой сон?

— Уже все нормально. Правда.

— Ты совсем не так говоришь. Давай в обед созвонимся. Я к тебе вечером могу заехать, если хочешь.

— Давай. Спасибо.

Я отключилась и еще некоторое время стояла у окна.

Когда смысл произнесенной Дарьей даты наконец дошел до меня, остальные вопросы стали совершенно неважными.

В октябре 2018 года Артем был жив.

Я кинулась к столу, едва не зацепившись ногой за корзинку с вязанием. На телефоне открыла список контактов, набрала его имя. Поиск ничего не нашел. Попробовала фамилию. Снова пусто.

Мы познакомились десятого ноября. Эту дату я помнила без всяких календарей: Артем ежегодно покупал в тот день пирожные в кондитерской, куда мы отправились после нашей первой встречи. Даже когда кондитерская закрылась, он еще несколько лет находил точно такие же в других местах.

До дня, когда мы впервые познакомились, оставалось восемнадцать дней.

Мне нужно было услышать его. Я помнила номер мобильного, но Артем сменил номер в начале нашей семейной жизни. Я пыталась вспомнить старый, а в памяти упорно возникал тот, по которому звонила в последние годы.

Я все-таки набрала знакомые цифры. Ответила незнакомая женщина. Извинившись, я отключилась.

Я включила ноутбук. Пока он загружался, проверила дату на настольном календаре, нашла в сумке паспорт, открыла на телефоне новостные сайты. В паспорте стояла моя девичья фамилия — Лаврова. Календарь был за 2018 год. В новостях обсуждали события, которые я помнила лишь приблизительно.

Ноутбук наконец включился. Я набрала название инженерного бюро, в котором Артем работал до того, как перешел в другую организацию. На сайте были фотографии завершенных проектов, адрес офиса и общий телефон. В списке сотрудников значились только руководители подразделений. Фамилии Артема я там не нашла.

Время работы бюро начиналось в девять. До этого оставалось больше часа.

Я поставила чайник, достала из холодильника продукты и обнаружила почти пустую пачку творога, две сосиски и одинокое яблоко. Артем в первые месяцы нашего знакомства шутил, что в моем холодильнике можно хранить документы, настолько там сухо и просторно.

Я приготовила чай и попробовала съесть яблоко. Если Артем действительно жил в этом городе, где-то сейчас он собирался на работу, брился у зеркала или искал ключи от машины. Ему был тридцать один год. Я еще ни разу не ездила с ним за город и не знакомилась с его матерью.

А он вообще ничего обо мне не знал.

Артем всегда брал меня за руку на скользком тротуаре. Я никогда не придавала этому значения. Сегодня я могла бы протянуть ему ладонь, а он, пожалуй, даже не понял бы зачем.

В девять я набрала номер бюро. Ответила женщина, представилась администратором.

— Доброе утро. Скажите, пожалуйста, у вас работает Артем Сергеевич Корнев?

— Секундочку. Вы по какому вопросу?

— Я из издательства, — сказала я первое, что пришло в голову. — Хотела бы уточнить один профессиональный вопрос. По реконструкции старых зданий.

— Вы с ним раньше общались?

— Нет.

— Хорошо, сейчас попробую соединить. Он только пришел, может быть, еще у себя.

Женщина попросила подождать. В трубке зазвучала мелодия. Я стиснула телефон и прижала его к уху.

Раздался щелчок. Мелодия оборвалась.

— Корнев, слушаю.

Я узнала голос сразу. Немного хрипловатый по утрам, низкий, с той знакомой интонацией, с которой Артем отвечал на рабочие звонки, когда думал, что разговор займет пару минут. И сейчас, совершенно буднично, без всякого представления о том, что произошло, он ждал моего ответа.

Я попыталась произнести его имя, но смогла только вдохнуть.

— Алло? — повторил он. — Я вас слушаю.
Мой муж был жив.

Глава 2. Незнакомый мужчина

— Простите, я вас плохо слышала, — соврала я и прокашлялась. — Артем Сергеевич?

— Да.

Я так и не придумала, что скажу ему, если он ответит. Я ведь собиралась только убедиться, что он жив. Наверное, следовало поблагодарить его за ответ и положить трубку, но после недавнего молчания в нашем телефоне добровольно прервать этот разговор было почти немыслимо.

— Меня зовут Нина Лаврова, редактор. Мы издаем книги об истории города, и я хотела бы задать вам несколько вопросов.

— Какой объект вас интересует?

— Старые промышленные здания. В частности, бывшая типография.

— А что именно вас интересует?

— Как приспосабливают такие здания для нового использования. Не с точки зрения истории архитектуры, об этом у нас достаточно материалов. Хотелось бы понять техническую сторону вопроса. Например, что можно сохранить, а что приходится менять при реконструкции.

— Вам для статьи или для книги?

— Для книги. Пока мы только собираем предварительную информацию.

— Пришлите вопросы на почту, так будет проще. Если понадобится кто-то из коллег, я перешлю.

Он начал диктовать адрес. Я схватила с письменного стола ручку, нашла на обороте какого-то конверта свободное место и записала все до последней буквы.

— А можно встретиться лично? — спросила я.

— Сегодня вряд ли. Завтра я до обеда на выезде, потом должен быть в офисе. Давайте в половине второго? У меня будет минут двадцать.

— Да, конечно. Спасибо, Артем Сергеевич.

Он объяснил, как пройти от улицы к зданию бюро, попросил взять паспорт для оформления пропуска и попрощался. Я еще немного подержала телефон у уха, хотя в нем уже ничего не звучало.

Рядом с адресом электронной почты я записала время встречи и дважды его подчеркнула. Завтра в половине второго я увижу своего мужа.

Потом обнаружила, что до начала рабочего дня остается меньше сорока минут, а я стою посреди комнаты в ночной рубашке и с мокрыми после умывания волосами. На конверте, который попался мне под руку, был указан адрес банка. Я достала письмо, прочитала уведомление о предстоящем платеже по ипотеке и с некоторым запозданием вспомнила, что в этой квартире мне еще предстоит выплатить приличную сумму.

Я наскоро оделась, собрала в сумку ноутбук, кошелек и паспорт. У двери пришлось поискать ключи: я машинально потянулась к стене, где в нашей с Артемом квартире висела деревянная ключница. На улице было сыро и ветрено. По дороге к остановке я увидела знакомую пекарню, которую впоследствии закрыли, и чуть не пропустила автобус.

Издательство тогда занимало четыре комнаты на втором этаже старого административного здания. Длинный коридор, линолеум, кабинеты с табличками разных организаций. Несколько лет спустя мы переехали, а здесь остался архив старых изданий.

— Лаврова, у тебя совесть есть? — встретила меня у двери Света, наш дизайнер. — Я тебе вчера два варианта отправила. Ты хоть один открыла?

— Сейчас посмотрю.

— Только не говори опять, что шрифт мелкий. Я его уже три раза увеличивала. Еще немного, и название придется печатать на обороте.

Света сняла куртку и ушла к себе. Я села за стол, на котором лежала раскрытая тетрадь с рабочими записями.

В рабочей почте меня ждали одиннадцать писем. Я едва помнила, над чем мы работали вчера: для меня с того дня прошло восемь лет. Выручили собственные записи. По ним и по переписке я восстановила ход работы над сборником о городских улицах.

Ближе к полудню Света принесла распечатки обложки. Я вспомнила, что после выхода этой книги мы обнаружили досадную ошибку: фотография на обороте обложки изображала совсем не ту улицу, о которой шла речь в подписи.

— Свет, откуда этот снимок?

— Из папки автора. А что?

— Давай запросим источник и точное описание. Здесь, кажется, другой адрес.

— Уверена?

— Нет. Поэтому и хочу проверить.

Света вздохнула и согласилась. Я отправила автору запрос.

После обеда я зашла к Галине Викторовне, главному редактору. Она сидела за столом, заваленным гранками, и доедала бутерброд над раскрытым ежедневником.

— У меня небольшой вопрос, — сказала я, присев на свободный стул. — Вы не думали о книге по промышленной архитектуре города? Не просто об истории заводов, а о судьбе самих зданий. Что с ними стало, как их используют, какие вообще есть возможности для сохранения.

— Ты когда сборник сдашь?

— В срок. Это отдельная идея.

— У нас половина авторов считает, что достаточно принести фотографии и назвать это книгой. Если ты мне принесешь еще одного такого автора, я тебе его отдам вместе с фотографиями. Домой.

— Пока автора нет. Я хотела бы выяснить, есть ли достаточно материала. Завтра можно ненадолго отлучиться? В инженерном бюро согласились поговорить со мной о реконструкции старых зданий.

— Уже договорилась?

— О предварительной беседе. Никаких обязательств от издательства я не давала.

— Хорошо. Только не обещай людям ни публикаций, ни гонораров. Если тема окажется перспективной, обсудим. И сборник мне к пятнице, пожалуйста.

Теперь мой предлог для встречи с Артемом перестал быть чистой выдумкой. До конца дня я работала над рукописью и составила несколько вопросов для завтрашнего разговора.

Дарья позвонила около шести. Предложила заехать, как и обещала утром, но я попросила перенести встречу на завтра. Мне хотелось провести вечер в одиночестве и хотя бы немного привыкнуть к мысли, что Артем сейчас находится где-то совсем недалеко.

— Тогда завтра после работы. И больше никаких звонков с вопросом, какой нынче год. Я потом полчаса уснуть не могла.

* * *

На следующее утро я долго выбирала одежду. Первую блузку отложила, вспомнив, что Артем не любил такие широкие рукава, вторую — потому что в ней слишком хорошо помнила себя на нашем первом семейном празднике. В конце концов надела серый жакет и темные джинсы. Уже собирая волосы в хвост, поймала себя на мысли, что пытаюсь угодить мужчине, который даже не знает, как я выгляжу.

К половине первого я закончила очередную часть рукописи, предупредила Свету и отправилась в бюро. Адрес я помнила: раньше мы с Артемом иногда встречались возле этого здания после работы.

Здание стояло в глубине двора. На первом этаже находился магазин строительных материалов. Я пришла раньше времени и сделала небольшой круг по соседней улице.

В холле за стеклянной перегородкой дежурил охранник. Он попросил паспорт, уточнил фамилию сотрудника, которому я назначила встречу, и выписал пропуск. Пока я ждала, возле лестницы открылась дверь, и двое мужчин вышли в коридор. Один нес свернутые чертежи, другой, повернувшись к нему, что-то объяснял.

Вторым был Артем. На нем была темная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, джинсы и черные ботинки. Волосы он носил чуть длиннее, чем в последние годы. Серебристой пряди над левым виском еще не было. Он забрал у коллеги чертежи, свернул выступающий край бумаги и рассмеялся над каким-то замечанием.

У меня дрогнули колени. Я оперлась ладонью о стойку охраны, и охранник, протягивавший мне паспорт, спросил, все ли в порядке.

— Да, спасибо.

Артем заметил движение возле стойки и взглянул в мою сторону. Я шагнула к нему прежде, чем успела сообразить, что собираюсь делать.

— Тема!

Он остановился. Коллега тоже повернул голову.

Мне хотелось обнять Артема, прижаться к его груди и больше никогда никуда не отпускать. Я даже успела поднять руку, но выражение его лица заставило меня остановиться. Он смотрел внимательно и с некоторым недоумением, как смотрят на человека, которого, возможно, уже где-то видели, но никак не могут вспомнить.

— Мы знакомы? — спросил он.

— Нет. Простите. Артем Сергеевич, я вам вчера звонила. Нина Лаврова.

— Из издательства?

Я кивнула.

— Понял. Вы рановато. Максим, забери, пожалуйста, это к себе. Я потом зайду.

Только теперь я рассмотрела его коллегу. Максим Воронцов. Несколько дней назад, на похоронах, он стоял рядом с Ириной Павловной, поддерживая ее под руку. Сейчас он с любопытством разглядывал меня, поздоровался, забрал бумаги и ушел по лестнице.

— У нас переговорная свободна, можно там сесть. Вы проходите.

В переговорной стояли длинный стол, шкаф с папками и доска, исписанная цифрами. Артем убрал с одного из стульев куртку и предложил мне сесть.

На его запястье темнел ремешок старых часов. Никакого сходства с тем металлическим браслетом, который я сжимала в ночь после похорон.

— Воды хотите?

— Да, пожалуйста.

Он принес стаканчик, подождал, пока я отпила, и сел напротив.

— Так что у вас за книга?

Я достала листок с вопросами, который составила накануне вечером. Благодаря этому начала говорить довольно связно.

— Мы обычно пишем о том, что было раньше, — объяснила я. — Кто основал предприятие, что оно выпускало, сколько людей там работало. Мне хотелось бы добавить современную часть. Например, рассказать, что происходит с промышленным зданием, когда оно перестает выполнять прежнюю функцию.

— Если повезет, появляется собственник, которому интересно его сохранить, — ответил Артем. — Если не повезет, все годами стоит пустое. Сами по себе стены никому ничего не гарантируют.

— А если собственник захочет устроить там музей? Или выставочное пространство, какой-нибудь культурный центр?

— Это зависит от здания. Вы хотите, чтобы я прокомментировал конкретный проект?

— Меня интересует бывшая типография. Большая, кирпичная. У нас есть авторы, которые работали с этим предприятием. Можно найти людей, помнящих его изнутри. Вы знаете, о каком здании я говорю?

— Знаю. Там пока нечего комментировать по реконструкции. Нас просили посмотреть отдельные материалы, но окончательного решения о проекте нет. И я бы не стал называть какие-то будущие варианты использования, пока их не согласовал собственник.

— То есть туда еще никто не будет заходить? Никаких работ пока не ведется?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Насколько я знаю, сейчас там нет действующего предприятия. А почему вас это так беспокоит?

— Хотела понять, насколько безопасно здание для посещения, если мы соберемся делать фотографии.

— Без разрешения собственника туда вообще не ходите. Если вам понадобятся снимки, можно будет отдельно обсудить доступ. Мы, инженеры, тоже не приходим на чужие объекты просто потому, что нам захотелось посмотреть.

Я согласилась. Он придвинул листок с вопросами, прочитал первые три и попросил уточнить, что именно я называю историческим обликом. Мы начали обсуждать разницу между сохранением здания и полной переделкой внутреннего пространства. Артем приводил примеры, иногда рисовал на чистом листе простые схемы.

— Для книжки все это, наверное, скучновато, — заметил он в какой-то момент.

— Вовсе нет. Вы хорошо объясняете.

— Просто вы задали вполне нормальные вопросы. Обычно от нас хотят за пять минут узнать, сколько будет стоить ремонт, и удивляются, когда мы просим сначала показать само здание.

Он улыбнулся, и на его щеке появилась небольшая ямочка. Мне вспомнилось, как в день нашей свадьбы фотограф просил его улыбнуться шире, а Артем шепнул мне, что чувствует себя кандидатом на выдачу водительского удостоверения. Я расхохоталась, он тоже, и именно этот кадр мы потом поставили в рамку.

Я отвела взгляд и сделала несколько бессмысленных пометок на бумаге. Прошло не больше пятнадцати минут с начала нашей встречи, а мне уже приходилось прикладывать усилия, чтобы не заплакать перед ним.

— Вам нехорошо?

— Нет, все в порядке. Я просто плохо спала.

Он не стал расспрашивать и вернулся к разговору. Если бы мы находились дома, Артем сел бы рядом, коснулся моего плеча и, скорее всего, сам догадался бы, о чем я думаю. Здесь между нами стоял стол, и я понятия не имела, когда смогу оказаться ближе.

— Вам материал нужен сейчас? — спросил Артем, посмотрев на часы. — Или вы надолго планируете эту работу?

— Думаю, надолго. Но пока только готовлю предложение для издательства.

— Тогда пришлите короткое описание того, что хотите сделать. Я передам руководителю. Возможно, нам самим будет интересно собрать какие-то сведения по типографии. Только давайте разделим консультацию и все, что касается конкретных заказчиков. На публикацию материалов потребуется согласование.

— Разумеется.

Я сложила бумаги. Артем достал из кармана визитницу, вынул карточку и положил передо мной.

— Это рабочие контакты. Если возникнут вопросы, пишите.

Я убрала визитку в папку, чтобы не помять.

— Спасибо, Артем Сергеевич. Вы мне очень помогли.

— Пока только поговорили. Не за что.

Он встал и взял куртку со спинки стула. Я собиралась подняться следом, но вдруг заметила на его правой руке тонкий след от царапины. Не подумав, спросила:

— Это ты где так умудрился?

Артем опустил взгляд на руку. На секунду мне показалось, что он ответит, как отвечал дома: скажет, что ничего страшного, что задел какую-нибудь доску или проволоку. Вместо этого он посмотрел на меня, и я наконец услышала собственные слова со стороны.

— Извините, — быстро поправилась я. — Что-то я сегодня совсем рассеянная.

— На даче, — спокойно ответил он. — Бывает.

Он пропустил меня в коридор. Я поправила сумку на плече, а когда мы дошли до лестницы, Артем снова спросил:

— Все-таки мы раньше не встречались? Вы и внизу меня так назвали, будто давно знаете.

— Возможно, я видела вас на каком-то городском мероприятии. У нас постоянно проходят книжные презентации, туда приходят самые разные люди.

— Может быть, — сказал он. — Хорошего дня, Нина.

— И вам.

Он поднялся по лестнице. Я осталась внизу с пропуском в руке, пока охранник не окликнул меня и не попросил вернуть его перед выходом.

Уже на улице я отошла к ближайшему перекрестку, перешла дорогу и только потом позволила себе оглянуться.

Через несколько часов Артему предстояло отправиться домой. Я не знала, куда он поедет вечером, с кем увидится, что будет есть на ужин. Мне оставалось только гадать, куда он поедет после работы.

Всего двадцать минут мы провели рядом. Теперь мне предстояло вернуться в издательство, закончить работу, поехать домой. Артем о моей жизни ничего не знал и не собирался спрашивать, как я доберусь.

* * *

В издательстве обнаружилось, что автор признал свою неуверенность в подписи к фотографии. Мы со Светой заменили снимок, пока макет еще не отправили в печать. По крайней мере, одна неприятность, которую я помнила, теперь не случится.

Галина Викторовна поинтересовалась результатом моей встречи. Я рассказала, что инженер согласился помочь на этапе подготовки, и показала записанные вопросы.

— Сделай сначала страницы две с обоснованием темы, — сказала она. — Какие материалы есть, кто потенциальные читатели, за чей счет будем печатать. С промышленными предприятиями иногда можно договориться о поддержке. Но это отдельная история.

— Хорошо.

Я вернулась за стол, записала ее пожелания и достала визитку Артема. В телефонной книжке я по привычке записала его как Тему. Потом исправила: «Артем Корнев, инженерное бюро».

Отправлять ему сообщение я не стала.

По дороге домой я купила продукты, а возле кассы вынула из корзины пачку кофе. Его пил Артем, а я предпочитала чай. Мне совершенно незачем было покупать кофе для человека, который не собирался ко мне приходить.

Дома я достала банковский конверт, проверила график платежей и остаток на счете. До следующей зарплаты денег хватало, но я давно не привыкла так внимательно считать ежедневные покупки.

Я записала в блокнот предстоящие расходы. На второй странице написала: «Типография».

Под этим словом появилась дата: 17 октября 2026 года.

Я записала то, что успела узнать после гибели Артема: фестиваль, сведения о последующих изменениях здания, фамилию коллеги, с которым муж собирался встретиться. Несколько подробностей пришлось вычеркнуть. Новости противоречили друг другу, и раньше я не успела разобраться, какие из них подтвердились.

Еще вчера мне казалось, что достаточно просто не пустить Артема на фестиваль. Теперь я понимала, насколько мало знала о самом здании. До открытия культурного центра оставались годы, и многое могло измениться. Я закрыла блокнот и убрала его в ящик стола.

Около семи раздался звонок в дверь. Дарья стояла на пороге с пакетом выпечки и своей сумкой, набитой бумагами так плотно, что застежка едва сходилась.

— У тебя вид человека, который две ночи подряд составлял годовой отчет, — сообщила она вместо приветствия. — Я принесла пироги. Поставь чайник, пожалуйста, а то я с обеда ничего не ела.

Она сняла сапоги и прошла на кухню. В этой квартире мы часто встречались после работы. Даша знала, где лежат тарелки, и без всяких указаний принялась раскладывать пироги.

— Ты мне так и не объяснила, что вчера случилось, — сказала подруга, убрав телефон. — Мужчина объявился? Или опять мама что-нибудь придумала?

— Почему обязательно мужчина?

— Потому что ты обычно умеешь разговаривать человеческими словами, а вчера с утра спрашивала у меня, какой сейчас год.

Я налила чай и села напротив.

— Мне снилось, что прошло восемь лет. Очень подробно снилось. Как будто я прожила все это время.

— И что там у нас было через восемь лет? Я уже миллионерша?

— Вроде все было хорошо, — сказала я.

Рассказать о похоронах я не решилась. Для Дарьи Артем пока был таким же незнакомым человеком, как случайный прохожий на улице.

— Я сегодня познакомилась с одним мужчиной, — все-таки призналась я.

— Ага! Ну наконец-то добрались до сути. Где?

— В инженерном бюро. По работе.

— Симпатичный?

— Очень.

Даша засмеялась. Наверное, я слишком серьезно это сказала.

— Вот это мне уже нравится. Кто такой?

— Артем. Инженер.

— Свободный?

— Не знаю.

Вопрос был настолько простым, что мне стало неловко. Я никогда не расспрашивала Артема подробно о том, с кем он встречался до меня. Когда мы познакомились, он сказал, что ни с кем не живет, а мне больше ничего и не требовалось знать.

— А номер взяла? — поинтересовалась Дарья.

— Рабочий. Он должен еще помочь мне с материалами для книги.

— Ну и отлично. Только не звони ему вечером, если не о чем говорить. Я один раз так познакомилась с товарищем из соседнего отдела. Потом две недели выясняла, что ему от меня нужны бесплатные консультации по разделу имущества с бывшей женой.

Я засмеялась. Кажется, впервые после возвращения мне удалось сделать это без усилия. Мы допили чай, поговорили о работе. Даша сообщила, что в их фирме, возможно, скоро освободится место руководителя группы, но начальство пока ничего определенного не обещает.

— А если не дадут, посмотрю, что еще есть, — сказала она. — Надоело сидеть по вечерам за чужую зарплату. Мне сегодня опять один договор на дом подсунули.

Я хотела дать ей совет, но вовремя прикусила язык. Сегодня ей не требовались мои рекомендации.

Когда она ушла, я вымыла посуду и вернулась в комнату. От Артема не было сообщений, да и с чего бы ему писать? Мы договорились, что я первой пришлю описание проекта.

Я достала из ящика блокнот, но вместо вопросов о типографии открыла чистую страницу и записала дату нашего знакомства в первой жизни: десятое ноября.

В книжном магазине представляли новую книгу о старом Нижнем Новгороде. Я помогала убирать со стола лишние экземпляры, а Артем, оказавшийся там по приглашению приятеля, подошел спросить, где найти другие издания автора. Мы разговорились о городе, и, когда магазин начал закрываться, он предложил мне выпить кофе.

Мне понравилось, что с ним легко говорить, а ему, как он позднее утверждал, понравилось мое умение слушать. Домой я вернулась поздно, долго не спала и на следующий день сообщила Даше, что познакомилась с интересным человеком.

До той встречи оставалось чуть больше двух недель. Сегодняшнее посещение бюро вполне могло оказаться малозначительным эпизодом в его жизни. Он привык общаться с разными людьми, давать консультации, отвечать на вопросы. Вряд ли несколько моих неловких замечаний имели для него большое значение.

Я решила больше не искать встреч с Артемом до десятого ноября. Звонить ему без необходимости было бы глупо. Для книги можно сначала собрать предварительные сведения. Если в магазине все произойдет так же, как прежде, у меня появится естественная возможность провести с ним вечер.

Я закрыла блокнот и подошла к шкафу. На дальней вешалке обнаружилось темно-синее платье с мелким светлым рисунком. В нем я пришла на ту презентацию восемь лет назад. Артем впоследствии шутил, что сначала заметил платье, а только потом разглядел меня. Я не верила ему и считала, что он придумал это, чтобы не признаваться, как долго собирался подойти.

Платье было чистым, почти новым, с запасной пуговицей, пришитой к внутреннему шву. Я сняла его с вешалки, приложила к себе перед зеркалом и решила, что в субботу, десятого ноября, надену именно его.

Мне казалось, главное уже случилось. Я вернулась, нашла Артема живым, а остальное должно было постепенно встать на свои места. И если для этого требовалось подождать всего семнадцать дней, я была готова ждать.

Глава 3. Десятое ноября

К концу октября автор сборника о городских улицах наконец перестал присылать исправления. Мы со Светой отправили макет в типографию, после чего Галина Викторовна вызвала меня к себе и положила на стол две страницы, которые я подготовила по ее просьбе.

— Сколько у тебя таких зданий на примете?

— Пока девять. Если ограничиться центром города и ближайшими районами, получится вполне приличный объем.

— А писать кто будет?

— Историческую часть можно заказать нашим авторам. По каждому зданию отдельно. Я бы взяла на себя интервью с людьми, которые сейчас занимаются этими объектами, и общую редактуру.

— Сколько тебе на это нужно?

Я назвала примерную сумму, и Галина Викторовна сняла очки. Она всегда так делала перед неприятными разговорами.

— Нин, у нас за прошлую книгу про купечество до сих пор половина магазинов не рассчиталась. Такие деньги я тебе из воздуха не достану. Придумай, зачем эта книга нужна человеку, который не состоит в обществе охраны памятников и никогда не работал на заводе. Тогда поговорим о финансировании.

— Можно показать, как город меняется. У людей ведь сохранились семейные фотографии, чьи-то родители работали на этих предприятиях.

— Вот и покажи. Возьми один объект, сделай несколько страниц так, как они будут выглядеть в готовой книге. Желательно с хорошими снимками. Я должна иметь что-то на руках, когда пойду к собственнику здания и предложу ему потратить деньги.

Мы договорились, что я начну с типографии. Галина Викторовна разрешила пользоваться рабочими контактами издательства и отвести на новый проект несколько часов в неделю, если это не помешает уже утвержденным изданиям.

Из кабинета я вышла довольная. Утром собиралась добиться лишь возможности еще раз увидеть Артема, а теперь мне предстояло сделать книгу, которой прежде не существовало. В первой жизни мы выпускали издания об истории отдельных предприятий, но связать ее с современной жизнью города никто не предлагал.

Я переработала описание проекта и отдельно обозначила вопросы к инженерам. В письме Артему поблагодарила за консультацию и попросила подсказать, с кем можно согласовать получение материалов по типографии. Прежде чем отправить письмо, перечитала его раза четыре.

Ответ пришел на следующий день: «Добрый день. Передал Ваше предложение руководителю. Сначала нужно обсудить вопрос с собственником. Сообщим о результате».

Я закрыла письмо. До десятого ноября искать встречи с Артемом не собиралась.

В начале ноября подтвердили дату презентации новой книги о Нижнем Новгороде: суббота, десятое число, пять часов вечера. Меня попросили помочь автору и организаторам. В пятницу мы со Светой подготовили экземпляры для продажи и договорились о доставке.

Всю дорогу домой я пыталась вспомнить обстоятельства нашего знакомства. Артем положил на край стола книгу, которую собирался купить, а я посоветовала ему еще одну. Мы разговорились о старых городских фотографиях: он никак не мог найти снимок одного дома, а я обещала узнать у наших авторов. Когда сотрудники магазина начали собирать стулья, он предложил продолжить разговор в кафе.

Мне следовало только не мешать этому случиться.

* * *

Десятого ноября с утра шел мелкий дождь. Я проснулась задолго до будильника, вымыла голову и погладила платье. В маленьком кармане сумки нашлась помада, которой я пользовалась в те годы. Артем однажды по ошибке унес ее вместе с ключами и обнаружил на работе. Вечером вернул, сообщив, что коллеги высоко оценили цвет.

Я подкрасила губы и промокнула их салфеткой. Мы прожили вместе шесть лет. Наверняка сумею поговорить с ним о городских фотографиях.

В книжный магазин мы со Светой приехали около четырех. Она помогла сверить накладные и уехала. Администратор Оля показала, куда выставить книги. В дальнем зале уже расставляли стулья и проверяли микрофон.

Автор книги, пожилой краевед Борис Семенович, появился с огромным пакетом газетных вырезок. Он не доверял презентациям на компьютере и собирался показывать фотографии прямо из пакета. Я помогла ему разложить материалы и поставила перед ним воду.

Посетители начали собираться минут за двадцать до начала. Пришла знакомая учительница, за ней несколько постоянных участников краеведческих встреч. Я то и дело смотрела в сторону входа. Я помнила, что Артем пришел уже после начала выступления.

Борис Семенович рассказывал о том, как менялись названия улиц, а я записывала имена людей, обещавших поделиться семейными фотографиями.

В четверть шестого открылась дверь, и в зал вошел Олег Васин. Мы познакомились с ним лишь через несколько месяцев после начала наших отношений с Артемом. Олег увлекался историей города и при случае таскал друзей по выставкам и музеям. Именно он пригласил Артема на эту презентацию в прошлой жизни.

Олег снял куртку и сел на свободный стул с краю. Я подождала, пока за ним закроется дверь. Он пришел один.

Покупательница просила отложить для нее два экземпляра с автографом. Я записала фамилию, нашла чистый лист для автора и снова посмотрела на вход. Артем мог задержаться: дождь только ухудшал движение.

К шести часам выступление закончилось, начались вопросы. Я несколько раз проходила мимо Олега, но обратиться к нему не решалась. Как объяснить незнакомому человеку, что меня интересует его приятель? Наконец он сам подошел к столу и взял одну из книг.

— А у вас еще что-нибудь по старым промышленным зданиям есть? — спросил он. — Не только по улицам.

— Есть небольшое издание о заводском поселке. Могу показать.

Олег полистал предложенную книгу и вернулся к новому изданию.

— Мне вот эту, пожалуйста. И вторую тоже. Товарища звал с собой, он занят сегодня, так хоть книжку передам.

— Он тоже интересуется историей города?

— Скорее зданиями. Сейчас у него опять какие-то дела с объектом.

— Он инженер?

— Да. А вы всем покупателям такое собеседование устраиваете?

Олег улыбался. Мне стало жарко даже ушам.

— Простите, профессиональная привычка. Мы собираем сведения для будущих изданий.

— Ну, это ему лучше самому рассказывать. Сколько с меня?

Олег расплатился, вернулся за книгами и попросил Бориса Семеновича подписать одну из них. Вторую убрал в пакет без автографа. Имени товарища я так и не спросила.

После презентации мы пересчитали остатки и собрали книги. Оля предложила оставить коробки в подсобке до понедельника. Борис Семенович уехал на такси, прихватив пакет с вырезками. В дальнем зале остались только сотрудники.

— Ты куда дальше? — спросила Оля.

— Домой, наверное.

— А я уж думала, тебя кто-то ждет. Ты весь вечер на дверь смотрела.

Я застегнула сумку и объяснила, что ожидала одного знакомого, который в итоге не пришел.

— Ну и зря ты его ждала. Погода мерзкая. Иди скорее, пока сильнее не полило.

На улице я поправила шарф. Дождь почти прекратился. До кафе, в котором мы когда-то провели наш первый вечер вместе, было минут пять ходьбы, и я отправилась туда.

За столиком возле окна, где мы тогда сидели, расположилась семья с двумя детьми. Официант проводил меня за другой стол и принес меню. Я помнила наш первый заказ: кофе и два пирожных с орехами. Он уговорил меня попробовать местный кофе, заверив, что готов нести ответственность за бессонную ночь. Потом мы проговорили почти до закрытия, и кофе тут был ни при чем.

Я заказала чай и пирожное с орехами, хотя есть уже не хотелось.

За соседним столом обсуждали покупку зимних шин. У стойки официантка объясняла двум посетительницам, почему сегодня нет определенного десерта. Я достала телефон, нашла рабочий номер Артема и составила короткое сообщение с предложением созвониться на следующей неделе. Потом перечитала его и удалила.

Мужчина, у которого имелись свои дела, не пришел на мероприятие. Он не обещал там быть и даже не подозревал, что кто-то его ждет. Я могла готовиться к нашей встрече сколько угодно, а у него не было причины о ней задуматься.

Расплатившись, я вышла из кафе и пошла к остановке. Пирожное осталось на тарелке почти целиком.

Дома обнаружила на телефоне сообщение от Даши. Она приглашала меня на воскресный обед. Я позвонила ей, пока раздевалась в прихожей.

— Приедешь часам к двум? — спросила она. — Мне надо в магазин заскочить, а потом буду дома.

— Приеду.

— Ну что, как презентация? Инженер твой там был?

— Нет. Я надеялась, что он придет, но у него работа.

— Жалко. Вы же договаривались увидеться?

— Нет, не договаривались.

Даша на несколько секунд замолчала.

— А я думала, ты его пригласила. Нин, ты же знаешь его рабочий номер. Если тебе человек понравился, можно и самой позвать его куда-нибудь. Только сначала узнай, свободен ли он.

Я повесила платье в шкаф и достала старые домашние брюки. В прошлой жизни, когда я приехала к Даше на воскресный обед после той презентации, мы так долго обсуждали мое знакомство, что забыли про картошку в духовке. Пришлось заказывать пиццу. Я вспомнила это и спросила, что она собирается готовить.

— Курицу, наверное. Если не поленюсь. Еще хотела с тобой посоветоваться по одному делу. У нас знакомая из казанского офиса позвонила, интересуется, не хочу ли я к ним. Пока даже толком не объяснила, на каких условиях. Завтра расскажу.

Я помнила этот звонок. В прежней жизни Дарья осталась в Нижнем, а через несколько лет, после очередной смены руководства, сожалела об упущенной возможности. Я едва не посоветовала ей соглашаться. Хорошо, что вовремя вспомнила: она еще даже не знала условий.

— Рассказывай завтра, — сказала я. — Куплю что-нибудь к чаю.

После разговора я убрала туфли в коробку. Прежде именно в этот вечер Артем впервые написал мне пожелание спокойной ночи. Теперь на экране телефона светилось сообщение от подруги: «Не забудь зонт, завтра опять дождь».

Я ответила, что не забуду, и отправилась готовить ужин.

* * *

В понедельник Артем переслал мне письмо руководителя. Собственник типографии не возражал против подготовки книги, а вопросы по объекту предлагалось обсудить с архитектором Еленой Соколовой.

В конце цепочки писем сохранилось сообщение из бюро: «В связи с дополнительным вопросом по издательскому проекту предлагаю перенести обсуждение материалов на субботу, 10 ноября. Представитель собственника сможет подъехать во второй половине дня. Артем, участие обязательно».

Я перечитала сообщение, потом открыла свою переписку и нашла обращение от конца октября. Мне казалось, что оно не могло повлиять ни на что, кроме перспектив новой книги. Оказалось, руководитель бюро собрал людей в субботу именно из-за дополнительного вопроса о публикации.

Получалось, я сама предложила проект, ради которого Артем изменил планы на десятое ноября. Олег отправился в книжный магазин без него, а я несколько часов ждала человека, которого собственными стараниями лишила возможности туда прийти.

Мне хотелось отыскать какое-нибудь другое событие из нашего прошлого, которое еще можно было повторить. Однако следующее свидание в прежней жизни Артем предложил сам, когда провожал меня до остановки. Все остальное выросло из того вечера: прогулки, поездки, разговоры, знакомство с его матерью. У меня не было отдельного набора счастливых событий, из которого можно вытащить любое и устроить его в удобный день.

Я открыла папку с проектом. Еще две недели назад ничего подобного в наших планах не значилось. В отличие от несостоявшегося знакомства, этот проект был вполне настоящим и теперь требовал моего внимания.

Я позвонила Елене Соколовой. Она предложила встретиться в четверг: у нее будет час между двумя рабочими встречами, и мы сможем обсудить, какие сведения мне действительно понадобятся.

После обеда я отправилась в библиотеку. Валентина Михайловна из краеведческого отдела выслушала меня, уточнила название предприятия и принесла несколько папок с газетными вырезками.

— Раньше адреса некоторых корпусов указывали по-разному, — предупредила она. — Смотри внимательно. А если нужна история людей, попробуй найти тех, кто там работал. Бумаги тебе про них мало расскажут.

На одном из снимков женщины в рабочих халатах стояли перед большой печатной машиной. В подписи были названы только две фамилии из шести. Я выписала их, а Валентина Михайловна предложила обратиться к знакомому краеведу, собиравшему воспоминания жителей соседнего района.

Постепенно меня увлекло содержание папок. В одной статье корреспондент рассказывал, как сотрудница типографии обнаружила ошибку в подготовленном к печати издании. Меня порадовало, что кто-то счел этот случай достойным газетной заметки. В редакциях подобные заслуги обычно оставались между человеком, заметившим ошибку, и человеком, который ее допустил.

На полях блокнота я набросала будущий разворот: большую фотографию, отрывок из воспоминаний сотрудницы и короткий рассказ о судьбе здания.

Галина Викторовна разрешила обратиться к бывшим работникам предприятия, только попросила записывать, от кого я получила каждую фотографию и можно ли ее публиковать. Из библиотеки я отправилась за оставленными в книжном магазине коробками.

* * *

Елена Соколова оказалась невысокой женщиной с короткими каштановыми волосами. Она пришла на встречу в свитере, черных брюках и с большой папкой под мышкой. Мы дого-

ворились встретиться в кафе недалеко от ее офиса, чтобы не тратить время на оформление пропуска.

— Вы Нина? — спросила она, подходя к моему столику. — Мне Артем переслал вашу концепцию. Давайте сразу уточним, что я могу вам предоставить, а что пока нет.

Она заказала кофе и разложила перед собой бумаги. Выслушав мои объяснения, попросила не ограничиваться главным корпусом: первоначально территория предприятия была значительно больше. Я показала ей несколько фотографий, найденных в библиотеке.

— Вот этот снимок, по-моему, сделан со двора, — сказала она. — Если найти фотографию с противоположной стороны, будет проще определить место. У нас со старыми снимками постоянно такое случается. Люди уверены, что узнают знакомое здание с любого ракурса, а там за сорок лет могли пристроить еще половину этажа.

С Еленой оказалось удобно работать. Мы почти сразу составили список материалов, которые требовалось запросить, и договорились, что я пришлю ей копии наиболее интересных снимков.

— Собственник пока только выбирает, как использовать здание, — предупредила Елена. — Если вы напишете, что там будет выставочный зал, а они сделают что-нибудь другое, выйдет нехорошо.

— Мне пока достаточно объяснить читателю, какие возможности вообще существуют.

— Тогда с Артемом еще поговорите. Он лучше расскажет про состояние конструкций. Я со своей стороны могу объяснить, как учитывается историческая застройка.

Елена взглянула на экран телефона.

— Как раз пишет. Я сегодня ему обещала найти одну папку и чуть не забыла.

Она быстро набрала ответ, вернулась к нашему списку, но телефон снова завибрировал.

— Простите. У нас тут небольшие проблемы с планированием личного времени.

— Работы много?

— Да я вечером собиралась с ним в кино. Теперь выясняется, что он опять задержится, а билеты уже куплены. Придется идти на следующий сеанс, если будут места.

— Вы с Артемом вместе? — спросила я.

— Встречаемся, — ответила Елена, подняв голову. — А что, он вам говорил?

— Нет. Просто вы так сказали про кино, я и подумала.

— Да мы и знакомы-то недавно. Через общих приятелей. Пока выясняем, возможно ли вообще с его графиком куда-нибудь выбраться среди недели.

Елена улыбнулась и принялась искать в телефоне фотографию здания, которое хотела привести в качестве примера. Я воспользовалась паузой, чтобы отпить остывший чай. Чашка стукнула о блюдце, но Елена не обратила внимания.

Мы с Артемом когда-то обсуждали бывших возлюбленных, но больше говорили о серьезных отношениях. Несколько свиданий с людьми, имена которых давно перестали что-либо значить, не казались темой, достойной отдельного разговора. Теперь одна из этих женщин сидела напротив меня. Она могла написать ему сообщение, спросить, когда он освободится, и с полным основанием сердиться на его занятость.

— Нашла, — сказала Елена. — Вот посмотрите на первый этаж.

Я наклонилась к экрану. Мне удалось задать оставшиеся вопросы. В конце разговора мы обменялись телефонами и договорились, что при необходимости я обращусь к ней за консультацией. Елена записала два адреса, подчеркнула название архивного фонда, который стоило поискать, убрала папку в сумку и попрощалась.

В кафе играло радио. Я попробовала представить, как Артем закончит свои дела, встретится с Еленой и они отправятся в кино. Никаких оснований полагать, что вечер сложится плохо, у меня не имелось.

Было бы легче, если бы Елена мне не понравилась. Я бы нашла в ней какой-нибудь недостаток и убедила себя, что Артему с ней будет скучно. Вместо этого мне хотелось продолжить наш разговор о старых зданиях. Она была толковой, доброжелательной женщиной. Сердиться на нее мне было не за что.

Даже если в нашей прежней жизни эти отношения закончились до десятого ноября, я уже не могла быть уверена, что они закончатся теперь.

* * *

К следующей среде я подготовила четыре пробные страницы для Галины Викторовны. Вместо парадного рассказа о достижениях предприятия поместила воспоминания бывшей работницы из газетного интервью, а рядом — снимок печатного цеха. Разрешение на воспроизведение еще предстояло уточнить; пока это был рабочий макет. Света помогла разместить материал так, чтобы читателю было удобно сравнивать старые и современные виды здания.

Мы распечатали пробный разворот. Галина Викторовна долго его рассматривала, затем спросила, чем заканчивается рассказ о предприятии.

— Пока ничем. Здание собираются реконструировать, но решения еще нет. Я хочу показать несколько возможных вариантов и объяснить, почему с такими объектами приходится долго работать.

— Значит, эта часть будет меняться. Давай подготовим заявку на издание, с расчетом объема и сроков. Я обсужу ее с директором. Если будет интерес, начнем искать финансирование.

Она указала на вторую фотографию.

— Тут у тебя подпись сухая. Кто эта женщина? Чем занималась? Я на лицо смотрю, а ты мне сообщаешь год выпуска продукции. Мне бы про человека что-нибудь узнать.

Я забрала распечатки. У женщины было необычайно серьезное лицо, а рука лежала на спинке стула соседки с такой непринужденностью, что я невольно задерживала на снимке взгляд. Мне действительно хотелось узнать ее имя.

После обеда я позвонила краеведу, которого порекомендовала Валентина Михайловна. Он обещал спросить у знакомой, собиравшей материалы по истории местных производств. Мы договорились, что я пришлю ему фамилии из газетных публикаций. Потом я открыла переписку с Артемом.

Я написала, что мы продолжаем работу над концепцией и теперь хотели бы записать полноценное интервью о приспособлении старых промышленных зданий. Предложила заранее согласовать вопросы и дать ему текст на проверку перед публикацией. К письму приложила пробные страницы и поблагодарила за помощь Елены.

Ответ пришел к концу рабочего дня.

«Посмотрел страницы. Интересно получилось. По вопросам давайте отдельно, на некоторые проще ответить при встрече. В следующий вторник после трех я свободен. Подойдет?»

Я дважды прочитала первые два предложения. В прежней жизни Артем тоже иногда читал материалы, которые я приносила домой, но тогда мог похвалить меня просто потому, что видел, сколько сил я потратила. Сейчас у него не было никакой необходимости поддерживать меня из супружеской солидарности.

Мы согласовали встречу на половину четвертого, в переговорной инженерного бюро. Собирая вещи, я положила пробные страницы в сумку. Решила зайти за продуктами и приготовить себе нормальный ужин. Последние недели я питалась кое-как, и сегодня впервые захотелось чего-нибудь горячего, кроме чая.

На улице уже стемнело. Я шла к остановке, вспоминая вопросы, которые собиралась задать Артему. Хотелось расспросить его о том, как он впервые попал в старое промышленное здание и что заставило его выбрать именно эту профессию. В браке мы часто обсуждали его работу, но о начале карьеры я знала меньше, чем думала.

Теперь у меня была назначена встреча, для которой не существовало никакого образца в моей памяти. Я совершенно не представляла, о чем мы заговорим после того, как закончатся подготовленные вопросы. И все-таки очень ждала вторника.

Глава 4. Привычка быть женой

В переговорной пахло апельсинами. На столе возле окна стояла тарелка с кожурой, а рядом лежали две отвертки и разобранная компьютерная мышь. Артем убрал все это на подоконник и с сомнением посмотрел на мой диктофон.

— Запись целиком пойдет в книгу?

— Нет, конечно. Мне часа разговора хватит на несколько страниц. Потом я пришлю вам текст, сможете проверить, правильно ли я поняла технические подробности.

— Хорошо. А то недавно одному журналисту объяснял, что мы пока не знаем, как будем укреплять фундамент. Он написал, что наши инженеры не знают, как укрепляют фундаменты.

Артем пододвинул к себе принесенные мной пробные развороты, прочитал подпись к фотографии печатного цеха и спросил, когда прекратило работать предприятие.

— В главном корпусе печатали до начала двухтысячных, — ответила я. — Потом производство постепенно перенесли. Вот это на снимке машинный зал.

Артем повернул лист к свету и провел пальцем по границе между двумя окнами.

— Мы с Максимом на прошлой неделе примерно здесь смотрели одну колонну. Теперь понятно, откуда на ней следы старых креплений. У вас, случайно, нет фотографий этого зала в более поздние годы?

Я вынула из папки несколько копий и разложила их по порядку. Артем взял карандаш, на отдельном листе набросал схему помещения и стал расспрашивать меня о датах. Минут десять мы выясняли, к одному ли корпусу относятся фотографии. На двух из них я совершенно точно знала, что написано на обороте оригиналов. На третьей пришлось поставить вопросительный знак.

Он рассказал, как инженеры сопоставляют результаты обследования с историей эксплуатации здания. Я несколько раз останавливала запись, чтобы попросить его объяснить какую-нибудь вещь простыми словами. Поначалу Артем отвечал, как на совещании с коллегами, потом освоился и стал сам подбирать сравнения.

— Так что ваши историки иногда бывают очень полезны, — заключил он.

— Иногда?

— Остальное время я с ними спорю. Вот вы, например, хотите, чтобы старое здание выглядело как прежде. А человек, который будет им пользоваться, хочет зимой сидеть в тепле. И желательно, чтобы крыша не текла. Приходится как-то всех мирить.

У нас дома подобные споры случались постоянно. Когда мы выбирали плитку в ванную, Артем приносил образцы, поливал водой и пытался выяснить, на каком из них труднее поскользнуться. Я же смотрела, какая из расцветок подойдет к шкафчикам. В итоге мы купили третий вариант, которого поначалу не было ни в одном из наших списков.

— А почему вы вообще стали инженером? — спросила я, выключив диктофон.

— Это тоже для книги?

— Если получится интересно.

— Тогда надо что-нибудь приличное придумать. На самом деле в школе у меня с математикой было лучше, чем с остальными предметами. Отец предложил сходить на день открытых дверей. Я сходил, а потом еще раз с одноклассником. Ему не понравилось, поступил на экономический, а я вот остался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.